

Россиньоль С.

Центрально-европейский ранний город как объект изучения истории городов

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3031>]

[Публикация работы:]

Россиньоль С. 2010: Центрально-европейский ранний город как объект изучения истории городов // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. I. Ярославль, 26-33.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

С. Россиньоль
(г. Торонто, Канада)

Центрально-европейский ранний город как объект изучения истории городов

Вопрос о существовании городов в Центральной Европе до появления поселенцев из Германии и Западной Европы и возникновения имевших собственный устав городов волновал ученых многие столетия. Верно ли существовавшие тогда поселения характеризовать как города? Последние дискуссии, проведенные в конце XX в., не внесли ясность в решение этого вопроса. Итоги этих дискуссий определенно более запутаны, чем посылы, из которых исходили исследователи. Я не собираюсь отрицать важность этих дискуссий и оспаривать их. Мне бы хотелось предложить другой подход к решению этой проблемы.

Сложность ее состоит в том, что нет единого критерия, по которому можно отличить город от других типов поселений в той части Европы, которая расположена к востоку от Рейна и к северу от Дуная. В отношении Западной Европы таких вопросов не возникало. Каждое поселение, имевшее римское происхождение и статус *urbs* или *civitas* в структуре управления римскими провинциями, автоматически признавалось городом. Этот факт фиксировался в римских источниках раннего Средневековья. И такого же мнения придерживаются современные историки. Для периода позднего Средневековья исследователи считали поселения, имеющие свою хартию или устав, специфическим типом средневековых городов. Этот их особый статус был еще более заметен на востоке центральной Европы ввиду гомогенности, ставшей следствием колониационного движения. И сегодня большинство историков относят только этот тип поселения к средневековому городу. Основным критерием является наличие устава, дававшего поселению автономию. В настоящее время основным критерием для определения города является численность его жителей: большая часть стран устанавливает определенный порог численности населения, который должно преодолеть поселение, чтобы его признали городом. Для городов Центральной Европы до XII в. ни одно из этих условий не являлось критерием города.

Таким образом, именно историкам надо выработать критерии понятия города. Предложенные определения очень разнообразны и зависят от многих факторов, часто – просто от фактического состояния археологических раскопок. Но большинство из этих определений имеют одну общую черту: они были созданы историками, археологами, учеными в области общественных наук, а затем применены к обществу прошлого с тем, чтобы посмотреть, подходят ли наши критерии для этого общества. Далее мне бы хотелось задаться вопросом с точки зрения самих этих обществ: как люди того времени представляли себе город, и как они применяли свое представление о том, что такое город, к поселениям, которые наблюдали сами. Конечно, единственными людьми, которые могут ответить на этот вопрос, являются авторы дошедших до нас латинских источников. Вряд ли мы точно узнаем, являлись ли их представления выражением мнения большинства населения, скорее всего – нет. Тем не менее, стоит узнать их точку зрения.

Прежде всего, будут кратко отмечены некоторые из наиболее значимых аргументов, которые использовали исследователи в ходе упомянутой дискуссии, а также представлена общая картина изучения этой проблемы вплоть до последних работ. Во-вторых, в общих чертах будет изложено то впечатление, которое возникает при анализе синхронных латинских источников IX-XII вв.

Споры о городском статусе средневековых поселений особенно оживленными были в Польше¹. Нельзя не упомянуть имя историка Казимежа Тыменецкого, который способствовал

¹ См. последние работы по данной теме: *Moździoch S. Wczesnomiejskie zespoły osadnicze na Śląsku w XI – XII wieku // Miasto zachodnio-słowiańskie x XI – XII wieku. Społeczeństwo – kultura. Red.: Leciejewicz L. Wrocław, Warsaw, Kraków, 1991. S. 85-102; idem. The Origins of the Medieval Polish Towns // Archaeologia Polona. 1994. №32. P. 129-153; idem. Problemy badań nad początkami miast i wsią wczesnośredniowieczną w Polsce // Slavia Antiqua. 1997. XXXVIII. S. 39-63; idem. Ein Land, darin Honig und Milch fließt. Die ersten Piasten als Wirte ihres Landes // Zentrum und Peripherie in der Germania Slavica. Beiträge zu Ehren von Winfried Schich. Hrsg. D. Bulach, M. Hardt. Stuttgart, 2008. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa 34). S. 265-277; *Urbańczyk P. The Origins of Towns on the Outskirts of Medieval Europe – Poland, Norway and Ireland // Archaeologia Polona. 1994. №32. P. 108-127; idem. Wczesna urbanizacja ziem polskich // Civitas et villa. Miasto i wieś w średniowiecznej Europie środkowej. Red. C. Buśko, J. Klápště, L. Leciejewicz, S. Moździoch. Wrocław, Prague, 2002. S. 37-47; idem. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.**

прорыву в так называемой эволюционной теории в первой половине XX в.² Хотя некоторые идеи в русле эволюционной теории высказывались уже в XIX в., в то время, когда активно работал К. Тыменецкий, ведущие позиции занимала теория колонизации, даже среди польских ученых. Согласно этой теории, средневековый город в Польше являлся творением западноевропейских поселенцев. Ничего, что можно было бы сравнить с основанными ими городами, до этого в Польше не существовало. Но, согласно К. Тыменецкому, те поселения, которые развивались рядом с крепостями и замками в период раннего Средневековья, определенно должны были иметь городской характер. Основное отличие этих городских поселений от городов периода колонизации состояло лишь в том, что у первых не было своего устава и собственной, а не общей с округой, юрисдикции.

После Второй мировой войны польские ученые защищали эволюционную теорию, предложенную К. Тыменецким³. Вызванные войной разрушения сделали возможным проведение в центре польских городов раскопок, которые подтвердили эту точку зрения. Новые открытия породили настоящий восторг, сопровождаемый обоснованным пониманием необходимости вновь реабилитировать славянскую культуру, существование которой систематически отвергалось нацистской пропагандой. Новые результаты исследований стали доступными для западных историков благодаря ряду докладов о польских городах в период раннего Средневековья, которые были прочитаны в Париже и опубликованы на французском языке⁴.

На этом подъеме исторического исследования историкам была навязана марксистская теория, которая длительное время оказывала влияние на изучение истории городов⁵. Города занимали центральное место в марксистской исторической науке, поскольку, согласно К. Марксу, появление городов ознаменовало начало действительного разделения общества на классы⁶. В Восточной Германии археолог Иоахим Херманн пытался доказать существование западнославянских городов задолго до прихода западноевропейских поселенцев. Он называл их «ранние города» (*Frühstädte*). Ученый полагал, что этот тип городских поселений появился спонтанно, без какого-либо влияния Запада⁷. Между прочим, констатация раннего появления городов должна была подтверждать, что схема развития городов по К. Марксу универсальна, применима повсюду. В то же время сходной точки зрения придерживались и некоторые польские ученые, хотя они никогда не выражали свое мнение так категорично, как И. Херрманн. В целом,

(Monografie Fundacji na rzecz nauki polskiej) S. 107-141. До сих пор наиболее подробным описанием хода изучения данной проблемы, хотя и доведенным только до начала 80-х гг. XX в., является статья Хенрика Ловмянянского: *Łowmiański H. Początki Polski. Polityczne i społeczne procesy kształtowania się narodu do początku wieku XIV*. VI, 2. Warsaw, 1985. S. 649-731. См. также: *Sporn Th. Die "Stadt zu polnischem Recht" und die deutschrechtliche Gründungsstadt*. Frankfurt/M., Bern, Las Vegas, 1978. (Europäische Hochschulschriften, Reihe II Rechtswissenschaft. Vol. 197.)

² *Tymieniecki K. Zagadnienie początków miast w Polsce. Przegląd Historyczn.* 21. 1919. S. 319-349; *idem*. Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. Warsaw, 1921; *idem*. Organizacja rzemiosła wczesnośredniowiecznego a geneza miast polskich // *Studia Wczesnośredniowieczne*. 1955. 3. S. 13-32; *idem*. Remarques sur le commencement de la vie urbaine en Pologne // *L'Artisanat et la Vie urbaine en Pologne médiévale*. Vol. 3. Warsaw, 1962. P. 329-336; *idem*. Z dziejów miast i mieszczaństwa w późnośredniowiecznej Wielkopolsce. Poznań, 2007. (Klasycy nauki Poznańskiej. 9.)

³ См., например: *Hensel W. Méthodes et perspectives de recherches sur les centres ruraux et urbains chez les Slaves (VIIe – XIIe s.)*. Warsaw, 1962 (Académie polonaise des sciences, Centre scientifique à Paris, Conférences, Fascicule 36); *idem*. Anfänge der Städte bei den Ost- und Westslawen. Bautzen, 1967. (Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung in Bautzen/Spisy Instituta za serbski ludospyt w Budyšinje. 30).

⁴ *Les Origines des villes polonaises*. Dir. P. Francastel. Paris, La Haye, 1960. (Congrès et colloques 2.)

⁵ См.: *Moździoch S. The Origins...* P. 130-131; *idem*. *Problemy...* S. 40, 42.

⁶ *Durand J.-P. La Sociologie de Marx*. Paris, 1995. (Repères).

⁷ *Herrmann J. Die Nordwestslawen und ihr Anteil an der Geschichte des deutschen Volkes*. Berlin, 1973 (Sitzungsbericht des Plenums und der Klassen der Akademie der Wissenschaften der DDR, Jahrgang 1972, Nr. 5); *idem*. Die Nordwestslawische Frühstadt im 11. Jahrhundert. Wurzeln, Grundlagen, Entwicklungstendenzen // *Die Frühgeschichte der europäischen Stadt im 11. Jahrhundert*. Hrsg. J. Jarnut, P. Johanek. Cologne, Weimar, Vienna, 1998. S. 245-259 (Städteforschung, Reihe A. Vol. 43). В последнее время И. Херрманн доказывал даже, что дендрохронологическая датировка раннесредневековых поселений, которая указывает на определенно более поздний период, чем он утверждал ранее, не может быть признана надежной. В действительности эта новая датировка делает его предположения несостоятельными. См.: *idem*. Zu Burgen und Handelsplätzen im westslawischen Gebiet // *Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa* / Hrsg. K. Brandt, M. Müller-Wille, Chr. Radtke. Neumünster, 2002. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Vol. 8.) S. 303-319.

польские исследователи⁸ сделали акцент на социально-экономическое определение города, что было предложено социологами еще в начале XX в.⁹ С этой точки зрения, основным признаком города является уровень экономического развития, а не юридический статус или наличие устава. Именно эту позицию поддерживает, в числе других, и Хенрик Ловмянский¹⁰.

Тем временем западногерманский ученый Карл Хаазе дал ставшее популярным определение феномена города¹¹. Он предложил использовать так называемый «набор критериев». Поселение могло считаться городом, если имело несколько характеристик, которые назвал исследователь, хотя ни одно из них не являлось, по его мнению, абсолютно необходимым. Важность того или иного критерия могла меняться в зависимости от эпохи, региона; каждое общество имело свои особенности. Основной момент, который подчеркивал К. Хаазе, состоял в том, что для каждого общества характерен тот или иной тип феномена города, но он может сильно варьироваться. Тем не менее, можно утверждать, что К. Хаазе в своем списке не разделял критерии на характерные для современного и характерные для средневекового общества: средневековая терминология упомянута наряду с экономикой, населением, топографией и юридическим статусом¹². Современные представления вряд ли должны влиять на определение, основанное на объективных критериях, которые ученый использует в качестве модели изучения обществ прошлого. Следовательно, с другой стороны, не может быть исследования, объектом которого являются современные концепты, если оно не учитывает современных же дефиниций. К. Хаазе ничего из этого не принимает во внимание.

В целом, ситуация в Северо-Западной Европе в эпоху раннего Средневековья весьма сильно отличалась от ситуации на востоке центральной части континента. Она характеризовалась, с одной стороны, устойчивостью позднеантичных городов, с другой, – появлением новых типов поселений, которые постепенно приобретали черты ранних городов. Среди них были поселения торговцев на берегах Северного, позднее – Балтийского морей. Торговые поселения обозначались в источниках как *vici*, *emporia* или *portus*. Существовали также крупные монастыри, которые, хотя теоретически и располагались в сельской местности, приобретали вид ранних городских поселений. Спустя длительный промежуток времени стало ясно, что города с античной традицией и институтами оказались более устойчивыми¹³. Однако, полная история феномена города этого периода определенно должна принимать во внимание все эти формы ранней урбанизации¹⁴. Режи́нэ Ле Жан предлагает говорить о «центральном месте», который она определяет как «средоточие власти» и «полюс притяжения, а также отношений в конкретной области, хотя и на разных социальных уровнях и с различной интенсивностью»¹⁵. Это могли быть древние города, дворцы королей и аристократов, монастыри или крепости¹⁶. Такой метод действительно хорошо подходит для изучения раннесредневековых обществ. Необходимо отме-

⁸ *Gieysztor A. Les Origines de la ville slave // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo VI. La Città nell'alto Medioevo. Spoleto, 1959. P. 279-303; idem. Position du problème // Les Origines... P. 15-26.*

⁹ Более всего с этим связана следующая работа: *Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1919 (1916).*

¹⁰ *Łowmiański H. Początki...*

¹¹ *Haase C. Stadtbegriff und Stadtentstehungsschichten in Westfalen // Die Stadt des Mittelalters. Erster Band. Begriff, Entstehung und Ausbreitung. Hrsg. C. Haase. Darmstadt, 1978 (1958). (Wege der Forschung, 243.) S. 67-101.*

¹² *Ibid. S. 62-72.*

¹³ *Lebecq S. Le Devenir économique de la cité dans la Gaule des Ve – IXe siècles // La Fin de la cité antique et le Début de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne. Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X-Nanterre, les 1, 2 et 3 avril 1993. Etudes. Dir. C. Lepelley. Bari, 1996. (Munera. Vol. 8.) P. 287-307.*

¹⁴ Можно говорить о «раннесредневековых типах городов» (*types de villes du haut Moyen Age*), хотя они не обладали всеми теми характеристиками, которые могут определять город в других обществах или в другие исторические эпохи. См.: *Boucheron P., Menjot D., Boone M. La Ville médiévale // Histoire de l'Europe urbaine I. De l'Antiquité au XVIIIe siècle. Genèse des villes européennes. Dir. J.-L. Pinol. Paris, 2003. P. 323.*

¹⁵ Tout centre de pouvoir peut être une place centrale, depuis la grande cité jusqu'au domaine rural, à condition d'être construit et reproduit comme telle et de constituer un pôle d'attraction et de relations sur un espace donné, quoiqu'à des niveaux sociaux différents et avec une intensité différente (*Le Jan R. La Société du haut Moyen Age. VIe – IXe siècle. Paris, 2003. (Collection U – Histoire.) P. 110.*

¹⁶ *Le Jan R. La Société... P. 110-127.*

тить, что использование абстрактной модели, такой, как модель «центральных мест» у Р. Ле Жан, позволяет проводить более последовательный анализ, чем в случае применения одновременно средневековых и современных концепций, как у К. Хаазе. Таким образом, хотя теперь и общепринято то, что города римского происхождения были не единственными поселениями с признаками городов, исследователи, тем не менее, до сих пор в основном видят существенные отличия между указанными различными формами урбанизации¹⁷.

Новый подход был предложен в 1990-х гг. новым поколением польских археологов. Они по-новому взглянули на создание городов, имевших свой устав, в период ранней колонизации и на разницу между поселениями до и после колонизации. Сейчас все ученые согласны с тем, что город, имевший устав, был совершенно новым типом поселения, в плане и внешне весьма значительно отличавшимся от поселений, которые существовали до того¹⁸. Это не означало, что ранние поселения не имели признаков города. Согласно Ежи Пекальскому, следует придерживаться другого подхода при анализе двух типов поселений¹⁹. Социально-экономическое определение подходит ранним поселениям. Правовой статус является определяющим для городов, имевших устав. С другой стороны, Славмир Мозьдзёх призывает с большой осторожностью воспринимать раннесредневековые крепости так, как мы воспринимаем города в наше время²⁰. Даже крупные крепости королевства Пястов не выполняли все те функции, которые ассоциируются с городами. Ранее принятые исследователями показатели численности населения, также как и степень имущественного расслоения, определенно были преувеличены²¹. Согласно С. Мозьдзёху, некоторые из этих поселений действительно имели городской характер, но основные признаки города можно обнаружить за пределами крепостей, у хаотично располагавшихся отдельных поселений по соседству: мы должны говорить не о городах, но о «раннегородских комплексах»²². По словам Ежи Пекальского, топография этих «полицентричных поселений» часто была нерегулярной (неправильной), так как различные их части могли быть разединены рекой, другими естественными препятствиями, необжитыми пространствами²³. В действительности, даже города древнего происхождения, такие как Кёльн или Регенсбург, которые восстановились в эпоху раннего Средневековья вопреки новым условиям, могли иметь подобный «фрагментарный» внешний вид²⁴.

Все эти новые подходы определенно более осторожные, чем предыдущие, а исследователи отошли от бинарной оппозиции город – крепость. Тем не менее, за исключением сделанного Марией Благовой обзора латинской терминологии различных форм поселений в эпоху раннего Средневековья²⁵, они не позволили ясно увидеть концепцию города в изображении синхронных

¹⁷ См.: *Bührer-Thierry G.* Les Sociétés en Europe du milieu du VIe à la fin du IXe siècle. Enjeux historiographiques, méthodologie, bibliographie commentée. Paris, 2002. (Guide pour les concours. Histoire médiévale) P. 137-144; *Depreux Ph.* Les Sociétés occidentales du milieu du VIe à la fin du IXe siècle. Rennes, 2002. P. 94-99. Филипп Депрю пишет: «До сих пор выяснение степени соответствия поселения критериям города обычно производится путем сравнения с римской цивилизацией, также как до сих пор обычно говорят о «раннегородском» поселении с целью обозначить место сосредоточения людей (структуру которого порой трудно разглядеть), а вовсе не город» (т.е. римский город). «Il est assez courant de doser le degré d'urbanité d'un site à l'aune de la civilisation romaine et de parler de site 'proto-urbain' pour désigner un lieu de concentration humaine [dont la structure est parfois difficile à percevoir] autre qu'une cité». Ibid. P. 94-95.

¹⁸ *Rębkowski M.* Pierwsze lokacje miast w księstwie zachodniopomorskim. Przemiany przestrzeni i kulturowe. Kołobrzeg, 2001; *Gawlas S.* Przełom lokacyjny w dziejach miast środkowoeuropejskich // *Civitas Posnaniensis. Studia z dziejów średniowiecznego Poznania*. Red. Z. Kurnatowska, T. Jurek. Poznań, 2005. (Prace Komisji Historycznej. 62.) S. 133-162.

¹⁹ *Piekalski J.* Uwagi o problemie definicji miasta średniowiecznego. Struktury wczesnomiejskie i późnośredniowieczny model osadnictwa miejskiego // *Kraje słowiańskie w wiekach średnich. Profanum i sacrum*. Red. H. Kóčka-Krenz, W. Łosiński. Poznań, 1998. S. 349-356; *idem.* Od Kolonii do Krakowa. Przemiana topografii wczesnych miast. Wrocław, 1999. (Monografie archeologiczne. Uniwersytet Wrocławski. 4.) S. 23-27.

²⁰ *Moździoch S.* Miejsca centralne Polski wczesnopiastowskiej. Organizacja przestrzeni we wczesnym średniowieczu jako źródło poznania systemu społeczno-gospodarczego // *Centrum i zaplecze we wczesnośredniowiecznej Europie środkowej*. Red. S. Moździoch. Wrocław, 1999. (Spotkania Bytomskie III.) S. 21-51.

²¹ *Idem.* The Origins... P. 134-142; *idem.* Problemy... S. 42; *idem.* Wczesnomiejskie zespoły... S. 88-92.

²² *Idem.* The Origins... P. 142; *idem.* Problemy... S. 44.

²³ *Piekalski J.* Od Kolonii... S. 252-253.

²⁴ Ibid. S. 251-252.

²⁵ *Bláhová M.* Evropská sídliště v latinských pramenech období raného feudalismu. Prague, 1986. (*Acta Universitatis Carolinae*, 100. Philosophica et historica monographia. C., 1983.)

латинских источников. Полный анализ здесь представлен быть не может, но могут быть отмечены несколько моментов, на которые средневековые авторы чаще всего обращают внимание.

Латинские авторы IX – начала XII вв. описывали крепости, находившиеся к востоку от Римской империи, как «urbs» или «civitates». Они также использовали термины «castrum» и «castellum». Что касается торговых поселений на побережье Балтийского моря, то они обозначались в IX в. как «emporium» или «portus», а начиная с X в. их называли также «civitates»²⁶. Но необходимо подчеркнуть, что эти авторы многое заимствовали далеко не только из лексикона классической латинской литературы. Помимо этих слов появился целый ряд образов, ассоциировавшихся с городской культурой и урбанизированным обществом²⁷. Следует напомнить, что римский город являлся одним из самых значимых достижений римской цивилизации. Средневековым авторам, описывавшим поселения, никогда не принадлежавшие Римской империи, пришлось волей-неволей адаптировать свой словарь к новым реалиям.

Некоторые элементы описания города в классической латинской литературе присутствовали в Средние века. Одно из них, как следовало ожидать, – городские укрепления. С ранних времен они являлись отличительной чертой городов, изображавшихся вместе со стенами, башнями и воротами²⁸. Неудивительно, конечно, что раннесредневековые авторы также постоянно упоминали их, так как большинство поселений, с которыми мы теперь имеем дело, находилось внутри крепостей. Укрепления описаны в многочисленных эпизодах военных конфликтов. Однако их упоминания порой демонстрируют нечто большее, чем просто необходимость описывать ход атаки и защиты укрепленных пространств. Например, автор, желавший подчеркнуть негативную сторону войны, не нуждался в том, чтобы делать акцент на описании внешнего вида укреплений²⁹. Но другой писатель мог иметь иные намерения, что отражалось и в том, как он описывал укрепления. Это особенно заметно в польской хронике начала XII в., так называемой хронике Галла Анонима. Когда хронист обращается к сюжету о завоевании поляками Померании, его главная цель – показать отвагу польских воинов и значимость их деяний³⁰. Следовательно, он детализирует описание внешнего вида укреплений померанских крепостей: башни, ворота и т.п.³¹ Читатели должны были понимать, сколь великим деянием было завоевание столь впечатляющих крепостей.

Одновременно интересно наблюдать, как Галл Аноним изображает страну пруссов. Автор с особым рвением подчеркивает тот факт, что пруссы вообще не имели крепостей³². Фактически, обычно хронист представляет пруссов как варварский народ, находившийся на крайне низкой стадии развития. Необходимо подчеркнуть, что пруссы играют в хронике отличавшуюся от жителей Померании роль: последние подвергаются завоеванию и интеграции в Польское королевство, в то время как первые всегда остаются вне пределов этого государства³³. Следова-

²⁶ Rossignol S. Die Burgen der Slawen in den lateinischen Quellen des 9. bis 11. Jahrhunderts // Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 17. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Halle an der Saale, 19. bis 21. März 2007. Hrsg. F. Biermann, Th. Kersting, A. Klammt. Langenweißbach (в печати).

²⁷ Kindermann U. Einführung in die lateinische Literatur des mittelalterlichen Europa. Turnhout, 1998. S. 39-45; Bourgain P., Hubert M.-C. Le Latin médiéval. Turnhout, 2005. (L'Atelier du médiéviste 10) P. 99-103; Guerreau A. L'Avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Age au XXIe siècle? Paris, 2001.

²⁸ Giegler Eu. Das Genos der Laudes urbium im lateinischen Mittelalter. Beiträge zur Topik des Städtelobes und der Stadtschilderung. Würzburg, 1953. S. 95-97; Classen C.J. Die Stadt im Spiegel der Descriptiones und Laudes urbium in der antiken und mittelalterlichen Literatur bis zum Ende des zwölften Jahrhunderts. Um ein Nachwort vermehrte zweite Auflage. Hildesheim, Zürich, New York, 1986. (Beiträge zur Altertumswissenschaft. Vol. 2) S. 34.

²⁹ Rimberty. Vita Anskarii // Vita Anskarii auctore Rimberty, Vita Rimberty. Hrsg. G. Waitz, Hannover, 1884. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 55). C. 19, S. 42; C. 16, S. 37; S. 19, S. 43; C. 30, S. 60-61.

³⁰ Wielgosz Z. Opinie kronikarzy o Polsce północno-zachodniej. Część I – Gall Anonim // Źródłoznawstwo i studia historyczne. Red. K. Bobowski. Wrocław, 1989. (Historia, LXXXVI.) S. 75-82; Hertel J. Pomorze w myśli politycznej kronikarzy Polski piastowskiej (Anonim Gall, Wincenty Kadłubek, kronikarz wielkopolski) // Prace z dziejów państwa i zakonu krzyżackiego. Red. A. Czacharowski. Toruń, 1984. (Ordines militares, 2) S. 9-47; Wiszewski P. Domus Bolezlai. W poszukiwaniu tradycji dynastycznej Piastów (do około 1138 roku). Wrocław, 2008. (Złota Seria Uniwersytetu Wrocławskiego. 1.) S. 246-248, 316-319, 331-332.

³¹ Gallus Anonymus. Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum. Red. K. Maleczyński. Kraków, 1952. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. II) 2. 28, S. 96; 2. 3, S. 67; 2. 22, S. 89; 3. 8, S. 135-136.

³² Gallus Anonymus. Cronicae... 2. 42, S. 112; 3. 24, S. 154.

³³ Wielgosz Z. Opinie...; Hertel J. Pomorze...

тельно, Галл Аноним рисует жителей Померании как весьма схожих с поляками; объединение первых с последними предрешено, но пруссы – варвары, недостойные интеграции в польское общество³⁴. Действительно удивляет, что восприятие укреплений того или иного поселения именно как городских укреплений подчинено тенденции автора. Детали в описаниях усиливают их культурную значимость.

Но, по крайней мере, некоторые авторы подчеркивают другой момент, связанный с укреплениями. Согласно историку XI в. Адаму из Бремена, укрепления Гамбурга должны были «не только защищать, но и украшать резиденцию епископа»³⁵. С точки зрения Адама, укрепления являлись источником престижа и должны были надолго впечатлить очевидца.

В классической латинской литературе здания внутри городских стен довольно редко отмечались как характерная черта городов. Даже в раннем Средневековье упоминания церковных зданий крайне редко использовались в качестве типичных элементов описаний городов³⁶. Существенно отличалась от этой ситуация к востоку от Рейна с начала IX в. Везде упоминали церкви, подчеркивали их красоту и величественность. Например, летописец XI в. Титмар из Мерзебурга пишет о епископе саксонского Вердена: «Так как в тамошних местах не было камня, он разрешил построить в Вердене церковь из дерева, превосходящую другие по размерам и качеству»³⁷. Титмар считал, что языческие храмы славян также очень впечатляют. Он пишет об *urbs* Ридегост, храме-крепости язычников-лютичей: «в нем нет ничего кроме храма, искусно выполненного из дерева»³⁸.

Многие моменты, отмеченные авторами этого периода, имеют ярко выраженную субъективную коннотацию. Места, значимые для них, показаны богатыми, известными или расположенными в красивом месте. Например, агиограф Римберт, живший в IX в., при описании путешествия миссионера Ансгара в Швецию, упоминает многочисленные торговые поселения и крепости на побережье Балтийского моря и описывает их несметные богатства³⁹. В X в. летописец Видукинд Корвейский характеризует Магдебург как «великолепно построенный»⁴⁰, а Кведлинбург для него – *locus celebris*⁴¹. Для агиографа Бруно Кверфуртского (эпоха Оттонов) Магдебург – выдающаяся метрополия (*ingenua metropolis*), расположенная на «красивом берегу реки Эльба» (*in fluminis Albis pulcro littore*)⁴². Примеры можно приводить бесконечно.

С другой стороны, некоторые основные моменты описания города, содержащиеся в классической латинской литературе, не играют больше никакой роли для авторов, описывающих Центральную Европу в наше время. В частности, города редко изображались как центры культуры⁴³, хотя во многих описанных в источниках городах с епископскими резиденциями существовали, конечно, школы и библиотеки. Поскольку Римберт повествует о разрушении Гамбурга викингами, агиограф упоминает тот факт, что много книг вследствие этого погибло⁴⁴. Но

³⁴ Rossignol S. Early Towns and Regional Identities on the Eastern Coast of the Baltic Sea and in the Land of the Rus' as Perceived in Western and Central European Sources (9th – Early 12th Centuries) // *Ethnic Images and Stereotypes – Where Is the Border-line ? (Russian-Baltic Cross-cultural Relations)*. Proceedings of the III International Scientific Conference on Political and Cultural Relations between Russia and the States of the Baltic Region (Narva, October 20-22, 2006 / Ed. J. Nõmm. Narva, 2007. (Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovenssis. II) P. 241-252.

³⁵ Munire simulque ornare toparchiam (*Adam of Bremen. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. Hrsg. B. Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 2.) 3. 26, S. 168).

³⁶ Giegler Eu. *Das Genos...* S. 96-99.

³⁷ Aecclesiam in Werduun (...) de ligno, quia lapis defuit ei, fecit egregiam, et magnitudine et qualitate caeteras precellentem (*Thietmar von Merseburg. Chronicon*. Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum, nova series, 9) 2. 32 (21), S. 78.

³⁸ In eadem est nihil nisi fanum de ligno artificiose compositum (*Thietmar von Merseburg. Chronicon...* 6. 23 (17), S. 302.

³⁹ Rimbert. *Vita...* C. 19, S. 41-43; C. 30, S. 60-62.

⁴⁰ Ipse magnifice construxit (*Widukind von Corvey. Rerum gestarum Saxoniarum libri tres*. Hrsg. G. Waitz, K.A. Kehr, P. Hirsch, H.-E. Lohmann. Hannover, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim edit. 60.) 3. 76, S. 154.

⁴¹ *Widukind von Corvey. Rerum gestarum...* 3. 75, S. 152.

⁴² Bruno z Kwerfurtu. S. Adalberti Pragensis episcopi et martyris vita altera. Red. J. Karwasinśka. Warsaw, 1969. (Monumenta Poloniae Historica / Pomniki dziejowe Polski. Series nova. T. IV. Fasc. 2.) C. 4, S. 5.

⁴³ Giegler Eu. *Das Genos...* S. 103-105.

⁴⁴ Rimbert. *Vita...* C. 16, S. 37. См. также: *Adam of Bremen. Gesta...* 1. 21, S. 27 (со ссылкой на Римберта).

фактически это чуть ли не единственный пример упоминания в источниках этого периода библиотек или развития образования как причин роста престижа поселения. Иногда мы можем узнать о том, что скриптории или школы имелись в местах, подобных Магдебургу или Мерзебургу⁴⁵, но никто из хронистов не делал на этом акцента с целью подчеркнуть важность поселений.

Кроме того, и на плотность населения средневековые авторы редко указывали как на характерную черту города. Значительную численность населения отмечает папа Захарий (эпоха Каролингов) как одно из главных условий выбора поселения в качестве резиденции епископа в Тюрингии и Гессене⁴⁶. Тем не менее, к этим указаниям на протяжении последующих столетий почти не возвращались. Хотя франкские авторы и старались обосновать выбор того или иного места в качестве нового центра диоцеза, они находили другие аргументы, но не ссылались на численность населения. Они часто утверждали, что какое-либо место будет подходящим для этой цели безо всяких дополнительных уточнений, почему именно. Или они отмечали, что здесь уже жили христиане, или что имелись доходы и ресурсы для новой церкви. Эти моменты казались средневековым авторам более значимыми.

Подводя итоги, можно сказать, что средневековые авторы в период до появления городов, имевших устав, составили определенное представление о том, что отличало город от обычного поселения. Культурное наследие римской Античности оказало влияние на их мировоззрение. Они перенесли эти традиции на районы и поселения, не входившие в состав римских провинций. В дальнейшем они приспособили имевшиеся критерии к собственным реалиям. Укрепления были весьма важным признаком городских поселений уже в римскую античность, но в эпоху раннего Средневековья этот признак приобрел иное значение, чем в предыдущие века. Средневековые авторы подчеркивали наличие величественных зданий так, как античные авторы никогда в действительности не делали. Несомненно, эти описания были обусловлены тем, чем в реальности были те или иные поселения – комплексом отдельных населенных пунктов, более-менее сосредоточенных в округе крепостей.

Представления о раннем городе латинских авторов того времени существенно отличаются от определений современных историков. Средневековые авторы подчеркивали такие характерные черты, как укрепления и величественные здания, но редко упоминали близлежащие неукрепленные поселения. Они подчеркивали значимость некоторых мест, указывая на их богатство и красоту. Многие их аргументы определенно имели субъективную коннотацию. С другой стороны, социально-экономические факторы или даже количество жителей практически не играли для средневековых авторов никакой роли. Следовательно, наиболее типичные современные критерии определения городского статуса тех или иных поселений весьма далеки от критериев средневековых авторов. Такая ситуация была вызвана одновременно и римской цивилизацией с ее латинской традицией, и тем, как в реальности выглядели сами поселения. Средневековые авторы не могли знать о критериях, которые станут важными для обществ XX и XXI столетий.

Объединение достижений различных дисциплин и попытка обобщить эти результаты должно стать задачей междисциплинарных исследований. Но взаимодействие различных дисциплин не должно привести к потере своеобразия, методов анализа источников и ограничений в их интерпретации, присущих каждой отдельной дисциплине. В случае с феноменом раннего города археологи могут предложить реконструкцию процесса появления и топографии изучаемых поселений, в то время как историки могут участвовать в дискуссии, предъявляя результаты анализа средневековых представлений и идей, которые можно наблюдать в письменных источниках. Оба подхода, как было показано выше, могут приводить к парадоксальным результатам.

С большой осторожностью нужно обращаться с терминами, использовавшимися средневековыми авторами для описания их общества. То, что они имели в виду, существенно отличается от наших представлений. При описании древних поселений используемые исследователями определения не должны искажаться под воздействием современных представлений. Установить точные соответствия между латинскими терминами и категориями поселений, выделяемыми археологами, почти невозможно, поскольку средневековые авторы не использовали эти термины одинаково. Также довольно очевидным кажется то, что многие важные для авторов

⁴⁵ *Adam of Bremen. Gesta...* 2. 12, S. 69; *Bruno z Kwerfurtu. S. Adalberti...* C. 4-6, P. 5-6.

⁴⁶ *Bonifatius, Lull. Epistulae // Epistolae Merowingici et Karolini aevi. T. I. / Hrsg. W. Gundlach. Berlin, 1892. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. III.) Ep. 51, S. 302-303.*

письменных источников моменты – красота или дурная слава поселения – просто не могут быть подтверждены свидетельствами материальной культуры. В итоге междисциплинарного взаимодействия лучше, вероятно, использовать абстрактные модели вместо средневековой терминологии, когда речь идет о конкретных объектах. Но еще более важно, чтобы используемые критерии и дефиниции были четкими и ясными.

М.Ю. Зенченко
(г. Москва, Россия)

Города России XVI – XVII вв.: историко-географический аспект изучения

Территориальная структура Московского государства XIV–XVII вв. замыкалась на городе – административном и податном центре определенного округа. В российских условиях город воспринимался совместно с окружающей его территорией; соответственно административный (уездный) центр бесспорно воспринимался как город вне зависимости от его размера, количества дворов и характера занятий населения. То есть, с точки зрения административного деления, городом являлся как Великий Новгород, так и Короча с 40 дворами, так как оба были уездными центрами. Кроме того, понятие «город» для позднего русского Средневековья было полисемантично. Городом называли как укрепленное поселение, так и административный центр; того существовало также понятие «служилый город», т.е. городские дворяне и дети боярские, корпорация служилых людей определенного уезда (например, «туляне с городом»). В источниках все эти понятия зачастую различаются только по контексту, а потому типология русских городов изначально затруднена.

До сих пор не изжита тенденция считать городами только крупные поселения с развитыми посадами. Она берет начало в хрестоматийном определении города как центра «ремесла и торговли». Многообразие российских условий делает такое определение неверным. С точки зрения историков, древние города, да еще с богатыми и обширными посадами, представляют больший интерес для изучения, чем маленький пограничный острожек, где и изучать-то особенно нечего. Поэтому относительно хорошо изучены лишь «старые» города; в первую очередь – в районе Волжско-Окского междуречья, на территориях бывшего Смоленского княжества, Новгорода, города Русского Севера. Но если мы посмотрим на карту, то мы сразу увидим, что в перечисленных районах сконцентрированы далеко не все русские города. В результате, сложившийся стереотип мышления изрядно деформирует наши представления о распределении городов по территории и их функциям.

Для XVII в. мы располагаем сотнями названий населенных пунктов, которые могли быть административными центрами определенной округи. Это села, слободы, посады, остроги; со II пол. XVII в. в этот раздел попадают и казачьи станицы («городки»). Проблема заключается в том, что выделить из этого списка собственно города мы не можем, так как полного списка русских городов даже для середины XVII в. просто не существует. В середине XIX века сводный перечень городов пытался составить К.А. Неволин¹. Но он включил в него как города, упоминаемые в раннем летописании, так и города, получившие свой статус по реформе 1785 г. Пользоваться им практически невозможно. Для XIV в. существует объективный источник – «Список русских городов дальних и ближних»². Русские города распределялись между несколькими территориальными приказами – четвертями, приказом Казанского дворца и рядом дворцовых ведомств. В результате, появлялись города двойного и тройного подчинения – например, дворцовые ловецкие слободы в Ярославле управлялись из приказа Большого дворца, а ярославский посад – из Костромской четверти. Каждый приказ составлял свои списки подведомственных городов, но суммарной росписи до сих пор не обнаружено. Региональные исследования, не смотря на всю их важность и точность сделанных авторами наблюдений, не дают общей для всей России картины административно-территориального устройства. А попытки ее создать путем суммирования исследований по отдельным регионам, напоминают попытки сложить мозаику при отсутствии как общего представления о рисунке в целом, так и достоверных сведений о том, все ли элементы мозаики имеются в наличии.

¹ Неволин К.А. Соч. Т. 6. СПб., 1859.

² Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214–259.